

Материалы к лекции

«Встреча с незнакомым текстом: как научиться его не бояться и понимать»

10 класс. Базовый уровень

Диагностическая работа

Задания:

1. Внимательно прочитайте рассказ Рувима Фраермана и ответьте, *когда* и *где* происходит действие рассказа, *сколько* в нём героев и *кем* они приходятся друг другу (какие отношения их связывают).
2. Выпишите предложения, в которых упоминаются вещи мальчика: суконный берет и рюкзак. Как эти детали характеризуют героя? Как вы думаете, насколько хорошо мальчик подготовился к походу? Аргументируйте свой ответ.
3. В разговоре с Гайдаром мальчик упоминает некий рассказ американского писателя. Что эта деталь говорит о герое и об его отношении к походу?
4. Выпишите из текста все слова-обращения Гайдара к мальчику. Как обращения помогают почувствовать отношение Гайдара к мальчику? Каково оно?
5. Прокомментируйте слова Гайдара: «Мы с тобой пойдём обратным ходом. Что напишем, то и сделаем». Как бы вы сформулировали «ход» (принцип) мальчика, которому Гайдар противопоставляет свой («обратный»)?
6. Подумайте, каким бы мог быть ответ Гайдара рассказчику в финале рассказа, и запишите его.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ВЫШЛИ ИЗ ГОРОДА...

Памяти Аркадия Гайдара

Однажды летом мы поехали с Гайдаром на рыбную ловлю в один из глухих районов, расположенных в лесном краю, в стороне от большого города.

Ночь, когда мы выехали из Москвы, была тихая, редкая по своей прелести, сулившая нам такой же тихий, ясный и жаркий день.

Мы решили не спать и провести эту ночь в беседе.

С нами был мальчик.

Я не знал, где познакомился с ним Гайдар и каким образом вовлёк его в это путешествие. Но я хорошо знал, что дети привязывались к Гайдару мгновенно, даже на улице, даже с первого разговора, и следовали за ним куда угодно, словно повинуюсь какому-то волшебству, которым владел он один.

Однако этот мальчик немного встревожил меня. Это был не совсем обыкновенный мальчик. Он писал стихи. На нём был суконный берет, едва прикрывавший ему голову, а в руках он нёс огромный пук удочек, которых хватило бы на целую ватагу тех белоголовых деревенских ребятишек, к которым мы ехали в гости.

Рюкзак его был туго набит. Он с трудом снял его с плеч и бросил прямо на пол.

— Я читал недавно один американский рассказ, как там ловят форель на кузнечика, — сказал он нам. — Они берут с собой не только палатку и керосинку, но еще и два одеяла — одно, чтобы постелить на сырую землю, а другим укрываться. Вот это настоящие путешественники! Ничего не боятся...

«Уж не Монтигомо ли это Ястребиный Коготь?» — подумал я и вопросительно поглядел на Гайдара.

Но Гайдар только хитро усмехнулся и опустил оконное стекло вагона.

— Американец, — сказал он мальчику, — вот посмотри-ка лучше на звёзды.

Мы выглянули в окно. За окном было хорошо. Московское небо, озарённое с земли огнями, уже кончилось и над нами и над сонными елями за полотном дороги простиралось другое небо, полное больших звёзд, от которых сквозь тёмный воздух, казалось, плыли тонкие светлые нити до самой травы на косогорах.

Но мальчик не посмотрел даже на звёзды и начал вдруг читать свои стихи.

Стихи были плохие, и я думал, что Гайдар тотчас же скажет об этом бедному поэту.

Но Гайдар спросил его только:

— Скажи мне, друг мой, а почему ты решил стать писателем? Любишь литературу, что ли?

Мальчик ответил сразу:

— Да! А потом я думаю, что в жизни легче всего быть писателем.

— Так, так... — подтвердил Гайдар. — Ну что ж, брат, может быть, ты и прав. Хочешь, напишем с тобой рассказ? Делать в дороге всё равно нечего.

Мальчик был необыкновенно польщён. Он снял свой берет и придвинулся поближе к Гайдару.

— Пожалуй, можно попробовать, — сказал он. — А как это сделать, Аркадий Петрович?

— Просто, брат, — ответил Гайдар. — Только, чур, уговор: ты начнёшь, а я закончу.

— Так будет лучше, — согласился мальчик, — а то я никогда не знаю, как нужно кончить.

— А я как раз никогда не знаю, как начать, — сказал Гайдар.

Я тихонько рассмеялся, с любопытством ожидая, чем кончится эта игра, которую Гайдар никогда не затевал зря.

— Какой же мы рассказ будем писать? — спросил мальчик.

— Какой хочешь, — ответил Гайдар. — Но лучше что-нибудь с приключениями, вроде Жюль Верна. Мы тоже, брат, едем с тобой в большие леса, на глухие озёра, — кто его знает, что с нами может приключиться. Воображение у тебя есть. Вот и начинай. Поставь удочки в угол — их никто не возьмёт, надень свой берет на голову и подумай. А то можешь и не думать, сразу начинай. Ты напиши только первую фразу, а я напишу вторую.

Гайдар вынул из своей полевой сумочки, которую всегда носил с собой, синюю тетрадку и карандаш и положил перед мальчиком на столик.

Сначала мальчик был несколько озадачен, увидев перед собой карандаш и бумагу, а потом сделал всё, как Гайдар говорил: сел поближе к свету и задумался. Однако думал он недолго и, написав первую фразу, прочел нам её вслух.

Она гласила:

«Путешественники вышли из города...»

— Вот и отлично! — воскликнул с особенным удовольствием Гайдар. — Первая фраза у нас уже есть, а вторую... а вторую я напишу завтра.

Мальчик был крайне разочарован:

— Завтра, Аркадий Петрович? А я думал — сейчас.

— Нет уж, брат, завтра, как выйдем из города, я напишу вторую. Мы с тобой пойдём обратным ходом. Что напишем, то и сделаем. А теперь ляжем-ка спать.

Гайдар закинул на полку свою холщовую сумку, в которой держал хлеб, чай и сахар, и сам полез наверх, очень легко поднимая на руках свое большое тело. Вскоре он заснул.

Мальчик тоже прилёг на скамью, подложив под голову свой берет.

В город мы приехали утром.

Солнце уже рассыпало жаркий и острый блеск над булыжной мостовой и асфальтом. Пыль быстро нагревалась.

Мы потихоньку пошли.

Ни Гайдар, ни мальчик не вспоминали больше о рассказе, и мне казалось, что их ночной разговор был забыт обоими.

Надо было шагать. Путь наш лежал через весь город, до берега реки.

Сначала идти было легко. На привокзальной улице росли молодые липки, которые бросали тень на почерневшей от каменного угля песок. Женщины брали воду из колонок,

и шум бегущей струи и звук железных вёдер в их руках как будто умилили немного все усиливающийся зной.

Однако мальчик уже два раза просил у встречных женщин напиться. Тяжёлый рюкзак оттягивал его плечи, удочки мешали движению. Пот начал выступать на его лице.

Мальчик вдруг остановился и сказал Гайдару:

— Аркадий Петрович, разве мы не сядем на автобус? У меня есть деньги.

— У меня тоже есть деньги, — ответил Гайдар. — Но дело, братец, в том, что из города нам надо выйти, а не выехать. Вот если бы ты написал: «Путешественники выехали из города на автобусе», я бы, пожалуй, поехал — оно, верно, лучше, чем пешком.

— А когда же можно будет нам поехать? — спросил мальчик.

— А вот когда мы оглянемся назад и в самом деле сможем написать в тетрадке, что путешественники вышли из города, тогда поедем.

Мальчик потихоньку вздохнул и пошёл дальше, свободной рукой вытирая пот с лица.

А город, чем больше мы углублялись в него, тем шире расстилался перед нами.

В полдень мы миновали лишь центр с его магазинами и перекрёстками, по которым с мягким резиновым шумом пробегали машины. Солнце плавилось в собственном зное, тени лежали у самых ног, на размягчённом от жары асфальте.

Потом открылись перед нами более тихие улицы, где мы увидели высоко над рекой старинный собор, сложенный из красного камня, с тяжёлым куполом, с белыми узорными колонками. В его тени мы немного посидели и заодно наточили свои складные ножи у проходившего мимо точильщика.

Потом мы снова пошли дальше. Мальчик поминутно останавливался и, оглядываясь назад, на город, спрашивал у Гайдара:

— А теперь можно написать так?

— Посмотри вокруг, — отвечал ему Гайдар, — вышли ли мы из города.

А город все не кончался.

Уже начались его окраины со щелистыми заборами, с деревянными домами, с палисадами, с зелёной травкой, пробивавшейся меж камней, по которым, подпрыгивая, катились автобусы, перевозившие пассажиров с пристани на вокзал.

На одном из поворотов шоссе, круто загибавшего направо, мальчику показалось, что город уже кончился.

Перед взорами открылись луга, огороды, убежавшие к самой реке.

— Вот теперь он уже кончился! — воскликнул мальчик.

Но за поворотом снова показалась улица, где дома теснились еще гуще прежнего.

На глазах у мальчика показались слёзы. Он присел на край дороги и сказал:

— Что же мне теперь делать? Я не пойду дальше, я лучше уйду назад на вокзал и вернусь домой.

— Возвращайся, — сказал ему Гайдар. — Но тогда мы не напишем с тобой рассказа и ты не узнаешь, что было в нём дальше.

— Теперь мне это всё равно, — ответил мальчик и поднялся на ноги, так как тяжёлая голубая машина уже приближалась к нам.

Гайдар не удерживал мальчика и попрощался с ним спокойно:

— Прощай. Ничего, брат, не могу поделать. Надо было тебе сначала выйти из города, а потом уже написать в тетрадке: «Путешественники вышли из города».

Когда мальчик уехал и мы, отдохнув немного на краю дороги, двинулись дальше, я поглядел на лицо Гайдара.

Оно было задумчиво, сурово и печально, и даже как будто жестокость отражалась на нем. Я никогда не видел его таким.

— Зачем ты это сделал, Аркадий? — спросил я его.

Он ответил:

.....

10 класс. Профильный уровень

Диагностическая работа

1. Внимательно прочитайте рассказ Надежды Тэффи и ответьте, *где* и *когда* могло происходить действие рассказа. Подтвердите свои предположения текстом, дайте им логическое объяснение.
2. Перечислите все события рассказа (включая событие рассказывания). Прокомментируйте их расположение в рассказе. Как расположение событий работает на общий смысл рассказа?
3. Перечитайте описания конки и сопоставьте их, выделив ключевые образы в обоих описаниях. Что даёт это сопоставление для понимания смысла рассказа?
4. К чему отсылает читателя метафора «И неужели каждый может вскочить в эту *колесницу радости* и понестись под звоны солнечной трубы? С помощью каких звуков, слов (словосочетаний) эта метафора разворачивается (поддерживается, дополняется) в остальном тексте?
5. Прокомментируйте авторскую идею рассказа. Как изменился бы смысл рассказа, если бы писательница назвала свой рассказ «Счастье», а не «Счастливая»?

Надежда Тэффи

Счастливая

Да, один раз я была счастлива.

Я давно определила, что такое счастье, очень давно – в шесть лет. А когда оно пришло ко мне, я его не сразу узнала. Но вспомнила, какое оно должно быть, и тогда поняла, что я счастлива.

* * *

Я помню: мне шесть лет, моей сестре – четыре.

Мы долго бегали после обеда вдоль длинного зала, догоняли друг друга, визжали и падали. Теперь мы устали и притихли. Стоим рядом, смотрим в окно на мутно-весеннюю сумеречную улицу.

Сумерки весенние всегда тревожны и всегда печальны.

И мы молчим. Слушаем, как дрожат хрусталики канделябров от проезжающих по улице телег.

Если бы мы были большие, мы бы думали о людской злобе, об обидах, о нашей любви, которую оскорбили, и о той любви, которую мы оскорбили сами, и о счастье, которого нет. Но мы – дети, и мы ничего не знаем. Мы только молчим. Нам жутко обернуться. Нам кажется, что зал уже совсем потемнел и потемнел весь этот большой, гулкий дом, в котором мы живём. Отчего он такой тихий сейчас? Может быть, все ушли из него и забыли нас, маленьких девочек, прижавшихся к окну в тёмной огромной комнате?

Около своего плеча вижу испуганный, круглый глаз сестры. Она смотрит на меня – заплакать ей или нет?

И тут я вспоминаю моё сегодняшнее дневное впечатление, такое яркое, такое красивое, что забываю сразу и тёмный дом, и тускло-тоскливую улицу.

– Лена! – говорю я громко и весело. – Лена! Я сегодня видела конку!

Я не могу рассказать ей всё о том безмерно радостном впечатлении, какое произвела на меня конка. Лошади были белые и бежали скоро-скоро; сам вагон был красный или жёлтый, красивый, народа в нём сидело много, все чужие, так что могли друг с другом познакомиться и даже поиграть в какую-нибудь тихую игру. А сзади на подножке стоял кондуктор, весь в золоте, – а может быть, и не весь, а только немножко, на пуговицах, – и трубил в золотую трубу:

– Ррам-рра-ра!

Само солнце звенело в этой трубе и вылетало из нее златозвонкими брызгами.

Как расскажешь это всё! Можно сказать только:

– Лена! Я видела конку!

Да и не надо ничего больше. По моему голосу, по моему лицу она поняла всю беспредельную красоту этого видения.

И неужели каждый может вскочить в эту колесницу радости и понестись под звон солнечной трубы?

– Ррам-рра-ра!

Нет, не всякий. Фрейлейн говорит, что нужно за это платить. Оттого нас там и не возят. Нас запирают в скучную, затхлую карету с дребезжащим окном, пахнущую сафьяном и пачулями, и не позволяют даже прижимать нос к стеклу. Но когда мы будем большими и богатыми, мы будем ездить только на конке.

Мы будем, будем, будем счастливыми!

* * *

Я зашла далеко, на окраину города. И дело, по которому я пришла, не выгорело, и жара истомила меня.

Кругом глухо, ни одного извозчика.

Но вот, дребезжа всем своим существом, подкатила одноклячная конка. Лошадь, белая, тощая, гремела костями и щёлкала болтающимися постромками о свою сухую кожу. Зловеще моталась длинная белая морда.

«Измывайтесь, измывайтесь, а вот как сдохну на повороте – всё равно вылезете на улицу».

Безнадёжно унылый кондуктор подождал, пока я влезу, и безнадёжно протрубил в медный рожок.

– Ррам-рра-ра!

И больно было в голове от этого резкого медного крика и от палящего солнца, ударявшего злым лучом по завитку трубы.

Внутри вагона было душно, пахло раскалённым утюгом. Какая-то тёмная личность в фуражке с кокардой долго смотрела на меня мутными глазами и вдруг, словно поняла что-то, ослабилась, под села и сказала, дыша мне в лицо соленым огурцом:

– Разрешите мне вам сопутствовать.

– Я встала и вышла на площадку.

Конка остановилась, подождала встречного вагона и снова задрезжалась.

А на тротуаре стояла маленькая девочка и смотрела нам вслед круглыми голубыми глазами удивлённо и восторженно.

И вдруг я вспомнила.

«Мы будем ездить на конке. Мы будем, будем, будем счастливыми!»

Ведь я, значит, счастливая! Я еду на конке и могу познакомиться со всеми пассажирами, и кондуктор трубит, и горит солнце на его рожке.

Я счастлива! Я счастлива!

Но где она, та маленькая девочка в большом темном зале, придумавшая для меня это счастье? Если бы я могла найти её и рассказать ей, она бы обрадовалась.

Как страшно, что никогда не найду её, что нет её больше и никогда не будет её, самой мне родной и близкой, – меня самой.

А я живу...

11 класс. Базовый уровень
Диагностическая работа
Задания

1. Внимательно прочитайте рассказ Андрея Битова и ответьте, от чьего лица ведётся повествование? Почему это важно понимать?
2. Опираясь на текст, попытайтесь представить, кем может быть «интересный дядя» по профессии.
3. Подумайте, что движет молодым героем во время разговора с «дядей». Аргументируйте свои предположения текстом.
4. Перечитайте фрагмент диалога и прокомментируйте его: Чему улыбается дядя? Что означает его улыбка?
 - Опять лифт не работает, – говорю я.
 - А какой этаж?
 - Пятый.
 - Ох, – говорит дядя, – чего же он не работает?
 - Разве ж теперь обслуживают?.. – скорбно замечаю я.Дядя светски раздвигает усы в улыбку.
5. Проследите, как меняется отношение героя к «дяде» на протяжении рассказа. Через какую деталь в описании дяди передаётся изменение отношения к нему?
6. Прокомментируйте заглавие рассказа. Как в заглавии отражается авторская идея (в том числе отношение к героям своего рассказа).

Андрей Битов

Голубая кровь

«Интересный дядя! – подумал я. – Керенский-Врангель-Коненков...»
Интересный дядя стоял в подворотне.
Седые усы серебряными ложками изгибались по щекам. Трость. Корректное пальто.
Выдержанное, достойное лицо.
«Джентльмен. Аристократ. Комильфо».
Я смотрел на него вежливо и с интересом, стараясь, чтоб не вышло нагло. И в это время входил в подворотню.
Он тоже смотрел на меня.
«Чувствует породу... – думал я. – Теперь её мало. Приятно увидеть её в молодом. Так настоящая женщина чувствует настоящую женщину».
Я разделился, забежал на место дяди и посмотрел на себя, входящего в подворотню...
«Так себе. Ничего. Просто прелесть!»
Дядя сделал сдержанные полшага в мою сторону. Два пальца сжали поля шляпы.
Лёгкий поклон.
– Извините, пожалуйста... – говорит он поставленным голосом.
– Нет, что вы, что вы... – говорю я и тоже кланяюсь. Только шапка у меня меховая и полей нет... Я делаю полшага в сторону, чтобы обойти дядю.
Дядя делает полшага ко мне:
– Извините, пожалуйста...
– Пожалуйста-пожалуйста... – говорю я.
И стараюсь протиснуться между дядей и стенкой.
Дядя прижимает меня к стенке:
– Вы не скажете, где квартира такая-то?
– Ах... – говорю я. – Я из этой квартиры. Пойдёмте со мной.
– Там живет профессор Роттенбург?

– Я его племянник.
– Ах, вот как... – говорит старик. – Значит, он ваш дядя? Очень рад.
Мы пожимаем руки. И идём вместе.
– А как здоровье вашего дяди?
– Ничего, – говорю я, – хорошо здоровье. Недавно, было, заболел, но всё в порядке.
– Так что ваш дядя в пор... то есть здоров?
– В совершенном порядке.
– Так вы говорите, он сейчас дома?
– Он всегда в это время дома, – говорю я.
– Приятно видеть такого молодого человека, как вы. Ах, теперь не та молодежь...
Я потупляюсь. Только скромность не позволяет мне согласиться. Он должен оценить это.

– Опять лифт не работает, – говорю я.
– А какой этаж?
– Пятый.
– Ох, – говорит дядя, – чего же он не работает?
– Разве ж теперь обслуживают?.. – скорбно замечаю я.
Дядя светски раздвигает усы в улыбку.
Мы поднимаемся рядом. На площадках я пропускаю дядю вперед. Ему тяжело. Усы шевелятся по щекам.

– Извините, – говорит он и передыхает. На лице у него достоинство и виноватость. Он пыхтит.
– Ничего, я не спешу, – говорю я.
«Славный, красивый старик, – думаю. – Таких теперь уже мало. Старой закваски».
– А вы чем занимаетесь? Работаете или учитесь? – спрашивает дядя. – Если, конечно, вы ничего не имеете против такого вопроса.
– Нет, что вы, – говорю я, – учусь.
– Это замечательно, это хорошо, это изумительно – учиться, – говорит старик. – Ваш дядя – прекрасный пример. Наука требует от человека всей его жизни...
Он смотрит с испугом на оставшиеся ступеньки. Наконец пересиливает себя:
– Ну, пойдёмте дальше...
Улыбается он так легко и плавно, мол, вы уж извините, что я старик, мол, старость не радость...

– Вот и наша площадка, – успокаиваю я старика. – Вот мы и пришли.
Я чуть задеваю дядю.
– Ах, извините, – говорю я.
– Нет, что вы, что вы, пожалуйста...
Мы стоим у двери. Смотрим друг на друга.
– Нет, вы меня извините, ради бога, пожалуйста... – Я краснею.
– Да ну что вы! – отмахивается дядя.
Я стою у двери и не могу пошевелиться:
– Да нет, я правда очень виноват... извините, пожалуйста... я совсем забыл... простите, ради бога... так получилось... я не хотел...
Дядя расширяет глаза, и его усы выгибают пушистые седые спинки.
– Что вы, право?
– Я совсем забыл... дядя улетел вчера в Кисловодск...
Некоторое время мы смотрели друг на друга.
На дядином лице боролась корректность.
Корректность победила:
– Что ж вы сразу не сказали...
Тучная спина заколыхалась вниз по ступенькам.
«Ничего, – успокаивал я себя, – ничего. Усы, как у швейцара».

8 февраля, 1960

11 класс. Профильный уровень
Диагностическая работа

Задания

1. Внимательно прочитайте рассказ Л. Юзефовича «Три голоса». К каким социальным группам (классам) относятся все (не только рассказчики) герои рассказа? Докажите своё предположение, опираясь на речь персонажей.
2. Найдите в тексте маркеры (знаки), указывающие на ситуацию (обстоятельства) рассказывания (*когда, где, кому* рассказывается, *как* – устно или письменно). Прокомментируйте интонацию рассказчиков (например, можно говорить с сожалением, гордостью, раскаянием, сомнением, просьбой, мольбой, жалобой и пр.) Докажите свои предположения текстом.
3. Сформулируйте цели высказывания всех трёх рассказчиков – зачем рассказывает свою историю каждый из них? С каким чувством?
4. Сформулируйте пункты, по которым можно со- и противопоставить сюжеты каждого из трёх фрагментов. Подберите к каждому пункту цитаты.
5. Сочувствуете ли вы кому-нибудь из рассказчиков? Почему?
6. Сформулируйте три тезиса, аргументы к которым могут быть подкреплены фрагментами рассказа.

Леонид Юзефович

Три голоса

Когда-то я писал роман о Гражданской войне на Урале, не закончил его и не жалею об этом, но иногда во мне звучат голоса людей оттуда, из того времени. Их монологи, записанные следователями или журналистами, погребены в архивных папках с девственно-чистыми листами использования, в подшивках ветхих газет с цензурными вымарками и недостающими номерами, в сборниках бодрых ветеранских воспоминаний, выпущенных давно исчезнувшими областными издательствами к тридцатилетию или сорокалетию революции.

Я выбрал из них три голоса.

Первый – красный партизан Н.

– Стояли мы летось, полк наш, под Кыштымом, на речке Бокоянке, в деревне Татарская Барма. День стоим – ничего, два – ничего, три – ничего. На четвертый день глядим – пыль встала, от Кыштыма в нашу сторону скот гонят. Впереди коровы, сзади овечки. А как ближе подошли, смекаем, что не овечки это, а люди на карачках ползут. Мы давай тут бой открывать. Поубивали их немало, других в плен взяли и с ними самого главного. Он бойцам сказал имя и фамилию – Зубрин Федор Матвеевич. Привели его в штаб, командир наш у него спрашивает: «Что, Федор Матвеевич, господин Зубрин, в затылочек нам хотел зайтить? В карман наш залезти хотел?» Зубрин молчит. Командир опять спрашивает: «Так как же теперь будет, Федор Матвеевич?» Он молчит, а я тут не утерпел, стрелил ему в лоб. Упал Федор Матвеевич, а остальные наши и товарищ командир на меня сердиться стали. Командир говорит: «Он нам нужен был, пошто стрелил его? Никуда это не годится, волюнтаризм такой. Он бы нам факты рассказал, свои военные действия. Судить тебя будем!» Я отвечаю: «Какой он вам Зубрин? Кузянин он, в селе у нас паровую мельницу держал. Он, – говорю, – от нас в Кыштым подался, там будто бы помер и вот перед нами всеми лежит как Зубрин, а Зубрина я не стрелил, знать его не знаю». Наши тогда задумались, а пленные говорят: «Мы вам без Зубрина все расскажем, знаем все сами». Товарищ командир тогда сказал: «Собаке – смерть собачья! Нечего нам судить своего товарища за ради первого бандита». Пошли с ним в поле, там две коровы лежат мертвые,

другие подранены, с кровью по траве волочатся. Командир как увидел это, обнял меня: «Прости, что я тебя судить хотел! За таких-то коров этого Зубрина сто раз стрелить мало, что ими прикрывался». Посдирали с них шкуры, мяса нажарили, навялили. Ой-ё, сколь!

Второй голос – рабочий Z.

– Когда мы в девятнадцатом году Чердынь брали, один старый полковник по нам с чердака стрелял из «льюиса». Расстрелял все патроны, а новые ленты набивать некому, мы его и взяли. Вывели в огород, я моих ребятишек построил, четыре человека, команду: «Па-а врагу революции...» Гляжу, он руку поднял. «Чего?» – спрашиваю. «Имею, – говорит, – последнюю просьбу. Разрешите?» Я махнул своим, они винтовки опустили. Он говорит: «Я старый полковник, сорок лет государю прослужил. Прошу расстрел произвести под мою собственную команду». Я молчу, не знаю, что и сказать, а один из моих к нему подскакивает – и дулю в нос: «А вот хрен тебе! Накомандовались!» Полковник-то и заплакал. Я стою перед ним как столб, ничего сказать не могу, но понимаю: нельзя ему позволить, о чем он просит. Это легче легкого – в благородство играть, а у нас, думаю, такая битва, какой сроду нигде не бывало, и я тебе, врагу моему, даже в смерти над собой подняться не дам. Вдруг чувствую, у самого слезы текут. Стоим мы с этим полковником друг против друга и оба плачем. Ему его бессилие горько, мне – моя же сила. Он по жизни плачет, что так кончается, я – по душе своей, что нет ее у меня больше, отдаю на общее дело.

Третий голос – поручик Y.

– Во время наступления на Пермь я служил в Средне-Сибирском стрелковом корпусе генерала Пепеляева. Красные от Сылвы побежали к Мотовилихинскому заводу, мы – за ними, по снежной целине. От тылов оторвались, в обозе только гнилая селедка и овсяная мука на лепешки. Железную дорогу замело, эшелоны встали. Пленных девать некуда, кормить нечем. Одну партию расстреляли на каком-то разъезде, в лесу, и здесь же, в доме обходчика, заночевали. Никто не заметил, что один красноармеец лишь притворился мертвым. Наши ушли, он тогда встал, хотел убежать, а куда? Мороз страшный, перед расстрелом их всех раздели до рубах, и кругом верст на двадцать ни жилья, ни огня, одна эта избенка. До полуночи он как-то перемогался, наконец почувствовал, что скоро совсем замерзнет, и ровно в полночь явился к нам в дом. Мы все перепугались до полусмерти, потом – ничего, успокоились. Напоили гостя чаем, позволили до утра поспать в тепле, а утром все-таки расстреляли.

По сюжету романа партизан N должен был стать тем несчастным, о котором говорил поручик Y, пришедшийся сыном старому полковнику из рассказа Z, но в жизни эти трое никогда не встречались, и платить по счетам им пришлось только у меня в романе. Может быть, поэтому я его и не дописал.